

НИНА ЯГОДИНЦЕВА

СЫНОВНЕЕ ПРИНОШЕНИЕ

“Материнская молитва со дна моря подымает”
Народное приговье, которое я услышала от своей мамы

Все настоящие стихи – о любви, истину эту трудно оспорить. Изданный Общественным благотворительным фондом “Возрождение Тобольска” двухтомник антологии сибирской поэзии “Слово о Матери” – стихи о любви безусловной, безграничной, всеотпеливой, прощающей, жизнетворящей.

Материнство – одна из святых тем поэзии. Смыслов здесь так много, что слова звучат и замирают, и дальше говорит только любовь. Юрий Ильясов, магнитогорский поэт, ушедший из жизни год назад, написал:

*...И только у могильного креста
Мы вдруг поймём в сиротстве чёрной ночи,
Что все слова о маме — немота,
Невыразимость, боль и многоточье...
<...>
И в ней — испепеление грехов,
А истина в невысказанном ответе, —
Что не было без матери стихов,
И нет стихов о матери на свете.*

О маме трудно писать и невозможно не писать, потому что вертикаль смысла этого простого слова начинается близко, ближе некуда – в сердце, восходит к образу Родины земной и небесной и в невысказанной высоте видится ликом Божией Матери, чья жертвенность стала средоточием, символом любви и боли всех матерей мира, тех, кому

*...полночный лепет малыша
Слышней, чем гром морской или небесный...
Эльдар Ахатов (Красноярск)*

Эти слова могут быть равно обращены и к родной матери, и к Родине, и к Той, под чьим светлым Покровом пребывает и пребудет Россия... В них звучит и сыновняя благодарность, и вера в земную счастливую судьбу, и провиденье вечной высшей заботы... С укреплением в душе любви и веры сквозь черты родного лица проступают святые лики, а в ликах Родины и Богородицы – материнские черты. И даже если происходит самое страшное – ребёнок теряет свою земную мать, становится сиротой, его не должна покинуть – и никогда не покидала – мать-Родина:

*Ещё в сиротства дни босые,
Уж как бы там ни бедовал,
Я всё ж не мачехой Россию —
Родною матерью назвал.*

*И так потом на всех дорогах,
Меня манивших новизной,
Она и ласковой, и строгой,
И доброю была со мной...*

Геннадий Лысенко (Владивосток)

Автор проекта и редактор-составитель антологии Юрий Перминов замыслил эту книгу как приношение Матери. Он объединил стихи поэтов Сибири, в изначальных своих границах охватывавшей и Урал, и Зауралье, и Хабаровск и Владивосток, — и тех поэтов, чья судьба была так или иначе с Сибирью связана. В этом тоже есть глубокий смысл, ведь только к концу двадцатого века подзабылось выражение “матушка-Сибирь”, поскольку ни по звуку, ни по духу оно не совместимо с хищным новоязом. Впрочем, и Родину матерью мы сейчас называем всё реже: настигает волна мутного беспамятства, ужас забвения. Многим авторам антологии Россия видится бесприютной и гонимой — из-за сердец остывающих, прежде всего:

*Пустырями, туманом облитыми,
Мимо ржавых плугов на стерне
Ходит с тихой и кроткой молитвою,
Как в чужой, незнакомой стране...*

<...>

*На порог не пустили, облаяли,
Хохоча, освистали вослед...*

Валентина Телегина (Пермь)

И это материнское смирение, кротость её ставят ей в вину, презирают и даже высмеивают! Уже прочно вошли в обиход ТВ и СМИ чудовищные по смыслу понятия “социальное сиротство” и “суррогатное материнство”, уже слова “мать” и “отец” объявлены нетолерантными, поскольку оскорбляют чувства “нетрадиционных” супружеских пар, а рождение детей накрепко связано не с жертвенной любовью и долгом продолжения рода, продолжения жизни на Земле, а с определённым материальным достатком...

Как остановить это разрушение, воссоздать единство земного и небесного материнского образа?

*Мне хочется писать стихи, в которых
Звучали б строки, как сердцебиение,
И рифмовались Родина и мама,
Большая Родина и маленькая мама,
А больше и не надо ничего.*

Николай Пересторонин (Киров)

В начале девяностых, когда в моём родном Челябинске, как и во всей стране, встали заводы и по полгода не выплачивали зарплату, на вопрос женщин: “Чем кормить детей?” — тогдашний руководитель спокойно ответил: “Не надо было рожать, раз прокормить не можете”. А ведь этой фразой подписывается небытие, потому что в бытии звучит другое, светлое и утешное: “Дал Бог дитяту — даст и хлебушка”. Именно в эти годы Станислав Куняев (теперь — Москва, но прежде неё — сибирский Тайшет) написал:

*Женщина жертвует лепту
храму во имя Твоё.
Русскую женщину эту
обворовало ворьё.*

*Матерь — заступница наша,
Русь — Твой последний удел,
глянь — унижения чаши
переполняет предел...*

Видимо, всё-таки правы психологи, утверждая, что из отношения к матери вырастает потом отношение к Родине, и те, кто сегодня распродаёт, унижает и уничтожает Россию, равнодушно покидает её, предадут, прежде всего, своих матерей — их бессонные ночи, их ежедневный жертвенный труд служения жизни. Пели ли им колыбельные? Читали ли сказки? Водили ли за слабую ещё маленькую ручку по опавшей листве, первому снегу, мягкой зелёной муравке? Почему не хватило им витаминов материнской любви?

Едва ли возможно ответить на эти вопросы. Но ведь таких людей всё равно мало, и их намного меньше, чем кажется. Эффект массированно вбрасываемой “информации” умножает зло и делает его гигантским, заслоняющим собой свет. И жизненно важно каждому становится говорить, повторять, утверждать другое, цельное виденье мира, исполненного жертвенной любви, где

*Как грудь кормящей матери, кругла
Наполненная светом пиала.
В неё впадает млечная река,
Несущая по небу облака.
И, как младенец к матери своей,
Рассвет губами припадает к ней.
...Из этой пиалы я тоже пью
И вместе с ней вкус жизни познаю.*

<...>

*...Так с молоком моей земли родной
Я впитываю этот мир земной!*

Лидия Иргит (Тува)

(Перевод с тувинского Е. Семичева)

Поэтический посыл омича Юрия Перминова стал основой, камертоном двухтомного собрания, и в его стихах, посвящённых матери, вся духовная вертикаль понимания света материнства явлена отчётливо и сильно:

*И это утро — Божья милость,
и каждый день, и каждый час...*

*Россия — нынче мне помстилось —
устала, матушка... От нас? —
шумящих, страждущих, живущих
укромно — друг от друга врозь —
в кирпичных и бетонных куцах,
и слепо верящих в “авось”...*

Вот так же —

сам, небось, не мало

шумел, как ветер-суховей! —

“Я не устала...” — скажет мама,

и ты, оглохший, веришь ей...

В антологии-приношении больше тысячи страниц, более пятисот авторов. Каждая книга по высшему счёту — поступок, ответ, чёткий пограничный знак. Идею поэта Юрия Перминова подхватили в Кемерово, Тюмени, Тобольске, Надыме, Благовещенске, Екатеринбурге, Томске, Хабаровске, Красноярске, Кызыле, Кирове, Омске, Ханты-Мансийске, Иркутске, Перми, Бийске, Кургане, Якутске, Челябинске... Она объединила авторов, пишущих на русском, алтайском, юкагирском, долганском, эвенкийском, бурятском, якутском, хакасском, нанайском, ненецком и немецком, идиш и других языках. Всех этих поэтов воспитала мать-Сибирь, земля сколь благодатная и щедрая, столь суровая и требовательная к людям, живущим на ней.

Антология объединила и лучших профессиональных художников Сибири, и фотографов, и детей, чьи безыскусные рисунки – первое проявление благодарности, ещё вне понимания, но в полную меру безотчётной, чистой детской любви.

Женские образы на страницах книги – очень разные, они словно выхватывают прекрасные женские лица из пёстрой повседневности, и в каждом лице – свет, в каждом – внутренняя сила и тайна. Ведь ежедневно каждая мама для своего ребёнка преобразует жизнь в счастье:

*Блещет бездна голубая,
вьются ласточки — и вдруг
туча, туча грозовая
надвигается на луг.*

*Маму вскачь перегоняя,
на бегу взглянув назад:
“Туча, туча грозовая!” —
мальчик с девочкой кричат.*

*Мать прижала их, лаская,
а уста её поют:
“Что вам туча грозовая,
если мамка с вами тут?”*

*И, о страхе забывая,
восклицают все втроем:
“Туча, туча грозовая!” —
и хохочут под дождём.*

Владимир Трофименко (Сибирь–Москва)

Читая антологию, я не искала поэтических изысков – слова благодарности по сути своей должны быть просты и безыскусны, но нужно, чтобы они звучали чаще, повторялись и вплетались в ткань повседневной жизни.

Антология собирает по крупицам образ русской матери, на руках пронесшей через страшный двадцатый век своих детей, отдававшей им последний скудный кусок хлеба, но сполна напитавшей детские души любовью и верой в жизнь. И в облике, встающем со страниц, я видела родные черты своей мамы Антонины Александровны, у которой война отняла отца, не дала возможности выучиться... Жизнь её и сегодня, в старости, полна неустанныго труда, и меня всегда восхищают, переполняют благодарностью и радостью жизни мамина крестьянская мудрость, мамина доброта, бесконечная светлая забота её и спасительная молитва.

Лишь в одном стихотворении антологии я не узнала дорогих мне черт. Сюжет его довольно прост, хотя и с неожиданным “поворотом”. Художник решил нарисовать Мадонну, но рука его дрогнула и написала портрет старой женщины. Он

*...услыхал: почти без звука,
почти бесслёзно
с холста заплакала старуха
в ночи морозной,*

*где нет волхвов, а тот младенец,
прожив три лета,
на стопку белых полотенец
глядит с портрета...*

*Слепая зорко смотрит в душу:
“Я знаю, знаю”.
И рот по-старчески иссушен —
кора земная —*

*и шепчет имена, безбожно
попутав святцы.
Всё пережито. Больше можно
не волноваться.*

<...>

*И подошли к картине трое,
и рядом встали.
“Вот матушка, — один промолвил, —
моя святая”.*

*“Судьба моя, — другой заметил, —
Ты некрасива”,
И горестно подумал третий:
“Моя Россия”.*

Это стихотворение выбивается из общего ряда: сюжет его отстранён от личного переживания, оно — не о маме самого автора, и потому духовная вертикаль “мама — Родина — Мадонна” (а в русской традиции — Богородица, Матерь Божия) не вырастает из сердца, а выстраивается умозрительно. Один из героев видит в старой, доживающей свои земные дни женщине Россию. По логике сюжета эти слова заключают стихотворение и фокусируют его центральную мысль, с которой согласиться даже не страшно, просто — кощунственно. Стихотворение без веры, а значит, без выхода, без спасения.

Но в книге очень много стихов, в полной мере дающих ответ этой умозрительности. Вот Алексей Решетов (Березники):

*На берегу дороги дальней,
Седой бродяга, блудный сын,
За голос матушки печальной
Я принимаю шум осин.
Я в чёрный день не без призора:
И в чистом поле небеса,
И во сыром бору озёра —
Её усталые глаза.
Я глажу реденькие злаки,
Внимаю шороху ветвей,
И хорошо мне, бедолаге,
С бессмертной матушкой моей.*

Здесь образ мамы и образ Родины слиты неразделимо, и старость — не путь к смерти матери, а путь к бессмертию Родины. В утверждении себя частицей Родины обретает силу жить мать, потерявшая сына на войне, — в стихотворении Людмилы Татьяничевой (Челябинск):

*Пуля,
Жизнь скосившая сыновью,
Жгучей болью захлестнула мать.
Некого с надеждой и любовью
Ей теперь под кров свой ожидать!*

<...>

*...Снег дымится.
Он пропитан кровью.
Меж убитых тихо мать идёт
И с суровой терпеливой скорбью
В изголовье Вечность им кладёт.
А в душе не иссякает сила.
И лежит грядущее пред ней,
Потому что ведь она —
Россия,
Мать ста миллионов сыновей!*

Так связаны и спасаемы жизнь частная, отдельная – и вечная жизнь народа, Родины. В антологии много стихов о войне, о тяжести, которая легла на женские – материнские – плечи. О страшных утратах и о бережении детей – прежде всего. Но нигде нет безнадежности и уныния, только свет, благодарность и мужество взрослых детей. Вот слова одного из молодых авторов антологии Григория Глушнёва (Омск):

*То тепло невозможно растратить,
Что подарено мамой твоей...*

Много светлых картин детства, таких вот, как эти:

*Сестра в бадейке
Моей чашки-ложки.
Сноха в углу
На прялке лён прядёт.
А мать печёт
Лепёшки из картошки
И мне на печь украдкой подаёт...*
Денис Цветков (Иркутск)

*У мамы вода дождевая в кадучке,
Как чистое зеркало для облаков.
Умывшись, усну на цветастой подушке
Под близким сияньем родных потолков.*
Валентина Останина (Омская обл.)

Антологию пронизывают, объединяя, сквозные темы и сквозные образы: военное детство и детство счастливое, желание вернуться на материнский порог, в детство и счастье, мама – вечно молодая и накрепко затверженное слова материнского завещания: как жить на этой земле без неё, что хранить, защищать и завещать внукам и правнукам... И материнский образ Родины – пекущейся о детях своих, страдающей, но ежедневно терпеливо трудящейся и побеждающей, и молитвенный образ Божией Матери...

*Где умом не берёшь — бери разумом,
Бери разумом — верой русскою,
Верой русской родной, православною,
Православною верой, отеческой.
И молись, и проси Богородицу —
Богородицу — нашу Заступницу!*
Игорь Кушелев (Иркутск)

Антология утверждает неразрывные узы, связующие основы человеческой жизни: служение и долг, любовь и благодарность, веру и верность. На страницах соседствуют живущие ныне и уже ушедшие поэты, классики и те, чьи имена читатель, возможно, узнает впервые. Но и признанные метафористы, и авторы негромких, безыскусных дневниковых стихов говорят о мамах и обращаются к мамам просто, умеряя дерзкие взлёты резвого пера.

Изо всех справочных материалов для составителя оказались важны только город, год рождения и кровная связь поэта с матерью-Сибирью. “Здесь нет титулов и званий, мы все – дети своих матерей, дети Родины”, – пишет он. Согласна: перед мамой у нас один титул – дитя, для неё – наивысший. И ведь перед Родиной – тоже...

*Мне говорят, что на краю Россия.
А на краю России для меня
Со стен часовни в слабом свете дня
Глядят Матрёны,
Ксени,
Марии,*

*Великие праматери мои,
Босые лады русских богомазов...
На всём пути Державы столько Спасов
Взошло на вашей
  молодой крови!*

*Наследуя лишь подвиг отречения,
Вы молча, долг над горем вознеся,
Держались — и держали небеса
Свинцовые
  над каждым поколеньем.*

*<...>
И все слова, что дух Руси ослаб
И близится закат её печальный,
Страшат, пока не встретятся с молчаньем
До немоты усталых
  русских баб.*

*В таком молчанье кедры вековые,
На самой круче, на семи ветрах,
Качают луч рассветный на ветвях
И держат,
  держат на краю*

*Россию...
  Галина Якунина (Владивосток)*

“Не напитают и не напоят живой водой чужие воды. Да не станет похожа Родина на покинутую детьми старую мать-сироту. Веками она служила детям своим, вскармливала и выводила в люди...” — говорит Юрий Перминов в предисловии. Книга-подношение Матери утверждает, что по-прежнему жизнь была и остаётся служением, главной силой её пребудет любовь, а неиссякаемый источник и учебник любви — материнское сердце. И нужно, чтобы помнилось и верилось вопреки всему.

г. Челябинск